



ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО



Мир ребенка



ТРИ ЛИКА ДЕТСТВА

Кто только придумал этих взрослых!
Что они вообще себе позволяют...

Мария Парр. Вафельное сердце

Дети иногда могут до того допечь, так бы,
кажется, своими руками и задушил.

Стивен Кинг. И пришел Бука

Ю.В. ЩЕРБИНИНА

О природе детства и взаимоотношениях между взрослыми и детьми написано множество научных работ, педагогических сочинений и философских трудов. Понятно, что в разное время и у разных народов представления о ребенке были неодинаковы, равно как и возникавшие воспитательные проблемы. Так складывался *педагогический образ* той или иной эпохи.

В русле собственно философского знания в осмыслении феномена детства можно условно выделить несколько направлений:

религиозное – рассматривает евангелические основания апологии детства (И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, С.И. Четвериков, А.В. Ельчанинов, Е.В. Шестун, С.С. Куломзина, А.Б. Рогозянский и др.);

метафизическое – опирается на онтологические основания, трансцендентные измерения детства (Ф.М. Достоевский, В.В. Розанов, А.П. Платонов и др.);

антропологическое – исследует детство в русле философии культуры, историко-цивилизационных корреляций (К. Леви-Стросс, К.-Г. Юнг, Г. Ноль, О.Ф. Больнов, Ф. Арьес, М. Мид, Л. Демоз, Б.М. Бим-Бад и др.);

экзистенциально-драматическое – погружает дискурс детства в стихию ранних детских представлений и правоспоминаний, в частности, представляя Ребенка как «Другого» (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, М. Бубер, Э. Левинас, М. Фуко и др.);

лингвофилософское – постулирует семиотические основания рефлексии детства, описывает его в контексте речевой культуры (Л. Витгенштейн, В.В. Бибахин, Ф.И. Гиренок и др.).

Параллельно расширяется корпус междисциплинарных исследований детства, в которых философия выступает концептуальной основой

и методологическим стержнем (А.Г. Кислов, А.А. Грякалов, С.Г. Батищев, Л.К. Нефедова, И.А. Калужная, Д.И. Мамычева, Л.Б. Сандакова, Т.Д. Попкова, Е.Ю. Удалых и многие др.). Наконец, все более заметна отчетливая тенденция повышения внимания к философии детства и в современном публичном дискурсе. Так, с 1993 г. проводится Международная научная конференция «Ребенок в современном мире» (РГПУ им. А.И. Герцена); в рамках II Российского философского конгресса прошли философско-педагогические чтения «Софиология детства» (2001), издана философская антология «Космос детства» (2009); ведется постоянная рубрика «Метафизика детства» в газете «Первое сентября».

Между тем до сих пор остаются аспекты, не получившие должного освещения либо не обобщенные в целостную систему. Характерно, что многие из них касаются «теневых» (потаенных) и/или негативных проявлений детской природы, в частности, непослушания, неподчинения ребенка, его девиаций, общей «внецивилизованности» и «чуждости» конвенциям «взрослого» мира. Причем просматривается знаковая особенность дискурса о детстве: на уровне повседневно-бытовых практик и прикладных отраслей знания человечество озабочено прежде всего поведенческими отклонениями детей. Этот момент интуитивно фиксируется и в самом языке. Так, в многотомном «Словаре русских народных говоров» среди слов-характеристик детей больше всего номинаций, указывающих на поведение и особенно — на дерзость, строптивость, непокорство¹.

Если попытаться окинуть единым взором сложившийся к настоящему времени обширнейший корпус текстов, высказываний, суждений о Ребенке (как концепте, предельно обобщенном понятии), то разнообразие и многочисленность объяснения детского непослушания можно свести к трем условным представлениям: Ребенок как **«недочеловек»**, **«сверхчеловек»**, **«нечеловек»**. Выскажем также предположение о том, что в этих же трех макрометафорах в свернутом, «заархивированном» виде заключены базовые аксиологические коды детства и «схвачены» ведущие воспитательные стратегии.

Казалось бы, названные представления самоочевидны, лежат на поверхности познания и понимания, однако до сих пор они не были артикулированы и не фиксировались в единой системе. Безусловно, эти образы достаточно абстрактны и отчасти искусственны, умозрительны; их легко подвергнуть критике как с содержательных, так и с этических позиций. И все же каждая из этих метафор так или иначе достойна внимания, поскольку позволяет представить Ребенка не как плоскостное изображение, а как объемную фигуру, дает возможность увидеть его с неожиданных сторон, в интересных ракурсах; а также (как и всякая метафора) обладает большим описательным и объяснительным потенциалом.

Заметим также, что все три метафоры, с одной стороны, характерны своей универсальностью и потому функционируют в единой системе представлений о Ребенке и Детстве (синхронический аспект). С другой стороны, можно говорить об укорененности того или иного метафори-

ческого образа в определенной эпохе, а также о частотности и специфичности представлений о детях в разных типах культур, социальных форматах, моделях мышления (диахронический аспект).

Итак, рассмотрим выделенные метафоры более подробно и иллюстративно.

Лик первый

В контексте метафоры — *НЕДО*человек — Ребенок представляется еще не сложившимся, не состоявшимся, ненастоящим. В нем воплощены будущие возможности, потенциальные способности. И, напротив, актуализированы такие категории, как «неполнота», «аморфность», «неопределенность».

Отсюда и более частные метафорические образы: дети как строительный материал, глина для лепки; дети как требующие наполнения сосуды; дети как растения, которые нужно удобрять и поливать. Детство явлено как нечто «несущественное», ничтожное, а сам ребенок — как нуждающийся в онтологическом «совершенствовании», в личностном «возрастании», «приращении».

Чтобы стать «полноценными» людьми, детям необходимо усердно учиться и слушаться старших (в собственно философском смысле — перейти от небытия к бытийности). Основная задача воспитания — обратит ребенка к порядку и усвоению общепринятых норм, наставить на путь добродетелей. Непослушание — грех, порок, проявление «несовершенства».

Таков, в частности, взгляд эпохи Просвещения. В «Благоразумном» трактате 1646 г. Бальтасара Граситаны читаем: «Всякому знакома приторность детства, противная здравому уму; этот неприятный привкус зеленой молодости, которая насыщается лишь чувственными вещами, являя грубый набросок будущего разумного человека. Только время в силах излечить от детства и юности, во всех отношениях являющихся несовершенными возрастами».

Осколки этого представления мерцают и в современности, например, в национальных идиомах. Так, известное устойчивое словосочетание «войти в жизнь» формально означает «выйти из детства», но по сути — «стать полноценной личностью», «сделаться завешенным человеком». Равно как и выражение «впасть в детство» — пренебрежительный намек на слабоумие и ущербность.

Или сравним два следующих выражения: «человек зрелого возраста» и «человек дошкольного возраста». На абстрактно-языковом уровне эти сочетания существуют абсолютно равноправно, но на уровне конкретно-восприятия, обыденного сознания второе выражение представляется по меньшей мере несколько необычным, странным, а возможно, что нелепым и даже заключающим в себе иронию, насмешку либо элемент игры². Слово бы понятие «человек» семантически не применимо к субъекту, не достигшему определенного возраста, и для него существуют специальные лексемы — «ребенок», «дитя».

Объективные методологические изъяны описанного подхода вполне очевидны. Однако рассматривая его концептуально-метафорическую основу, можно извлечь некоторые ценностные смыслы, позволяющие объяснить многие мотивы и механизмы детского поведения и на этом основании сформировать более осознанную толерантность к таким негативным феноменам детства, как упрямство, капризы, озорство, агрессия.

Лик второй

Представление Ребенка как *СВЕРХчеловека* — можно считать противоположным первому: дети наделяются особыми качествами и специфическими свойствами, которые у взрослого либо отсутствуют, либо развиты недостаточно. Ребенок предстает как существо высшего порядка, с богатым воображением, неисчерпаемым творческим потенциалом, тончайшей восприимчивостью, развитой интуицией.

Здесь акцентированы трансцендентные основания Детства — все «выходящее» за рамки человеческого возможного, «превышающее» пределы опыта взрослого. Дети — провидцы и пророки, мессии и чудотворцы; детский язык — божественное «первослово», генератор смыслов, ключ к истине. Соответствующие метафоры: ребенок — волшебник, маг, король, богатырь, мудрец.

Таким он предстает во многих преданиях и легендах, что отмечено, в частности, К.-Г. Юнгом: «Во всех мифах о ребенке бросается в глаза один парадокс: с одной стороны, бессильный ребенок отдан в руки могущественным врагам и ему угрожает постоянная опасность, с другой стороны, однако, он располагает силами, которые далеко превосходят человеческую меру... Он персонифицирует жизненную мощь по ту сторону ограниченного объема сознания, те пути и возможности, о которых сознание в своей односторонности ничего не ведает, и целостность, которая включает глубины природы»³.

То же отчасти просматривается и в эстетике романтизма. «На ладони богов я рос» (описание ребенка у Ф. Гельдерлина); ребенок как «отец мужчины» (В. Вордсворт).

Переоценка возможностей и преувеличение статуса Ребенка свойственны также ряду современных ученых, философов, писателей. В известном смысле это своеобразный исторический реванш и компенсация прежнего невнимания к феномену детства. Выразительным примером может служить, в частности, ныне популярная псевдонаучная концепция «детей-индиго» — якобы новой человеческой формации, обладающей высочайшим интеллектом, необычайной чувствительностью, теплелатическими способностями и пр.

В современных литературе и кинематографе также широко эксплуатируются образы «ребенок-медиум» (вступающий в общение с духами), «ребенок-контактер» (принимаящий послания инопланетян), «ребенок-уникум» (обладающий суперзнаниями, сверхспособностями, гиперреакциями).

В русле данного подхода непослушание представляется декларацией самостоятельности и заявлением об исключительности ребенка, его претензией на господство и самовластие. Детям делегировано высшее право повелевать и управлять взрослыми. Это проявляется уже хотя бы в том, что «ребенок рождает родителей» (С. Ежи Лец). Дети парадоксальным (с позиции обыденной логики) образом оказываются здесь более укorenными в бытии, чем взрослые. В процессе роста и развития сверхзнания «забываются», суперспособности «утрачиваются», ослабляется сакральное и усиливается профанное.

Понятно, что в таком подходе осмысление детства также ограничено массой допущений и условностей, но проекция данной метафоры в плоскость реальной практики дает немалые потенции осмысления ряда поведенческих феноменов. Например, признание того, что ребенок оказывает влияние и воздействие на взрослого не меньше (а иногда и больше), чем взрослый на ребенка; что воспитание и обучение – это не односторонние, а взаимонаправленные процессы.

Лик третий

Метафора – Ребенок как *Нечеловек* – представляет его существом вообще «другой породы», жителем «потусторонья», «неопознанным объектом». Соответствующие метафоры: ребенок – тайна, загадка, секрет; чужак, пришелец, иностранец, посланец других миров. «А мы – их гиды, их переводчики...» (из стихотворения Ю. Левитанского).

Если в первом подходе ребенок мыслится как категориальное *Ничто* (подчеркиваются «ненаполненность», «недостаточность»), то здесь он предстает как *Нечто* (акцентируются «иноприродность», «неизвестность»). Таким образом, здесь актуализируется *онтологический* аспект: это взгляд на детство с позиции сущности, собственно бытийности. Детство предстает как некое параллельное пространство, иная реальность. Подобный взгляд отражен, например, в архаических сюжетах, где дети произрастают на *деревах*, падают с неба, обнаруживаются в лесу, в реке, на дороге, приносятся птицами и т.п.

Здесь этология смыкается с топологией, просматриваются пространственно-поведенческие связи: детское поведение предстает как существующее «вне» культурно-цивилизационного контекста, «по ту сторону» человеческого мира. Указание на топологическую принадлежность происходит через символическое отрицание: «Такому существу не место в мире людей». Аналогично и недисциплинированность, непослушание, нежелание действовать по взрослым канонам и шаблонам автоматически «дистанцирует» Ребенка от культуры, «изымает» из культурного пространства, ставит в позицию аутсайдера и маргинала, парии и отверженного.

Одновременно детское непослушание расценивается здесь как выражение своеволия и своенравности, насаждение иных (отличных от «нормы», «образца», «стереотипа») моделей поведения. Непослушание указывает на непредсказуемость ребенка и его нежелание следовать

общепринятым поведенческим канонам, соответствовать требуемым стандартам.

Приобретение «человеческих» свойств возможно через инициацию (язычество, архаические общества) и собственно воспитание (как оно обобщенно мыслится в обществах Нового времени). В первом случае актуализируется «магическая» метафора (Ребенок «превращается» в Человека) и подчеркиваются одномоментность и насильственность трансформации. Во втором случае реализуется «педагогическая» метафора (Ребенок «учится» быть Человеком) и акцентируются длительность и естественность процесса.

При этом само детское инобытие может осмысляться как нейтрально, так и оценочно. В первом случае оно предстает просто как уникальное, отличное от обыденности, повседневности.

«Где мы живем, до того как попадаем к папам и мамам, не знает никто. Может, я пришел оттуда, где до меня никто не бывал. Я был царем. Или царицей» (Я. Корчак. Как я появился на свет).

«Дети, как жители иностранные / или пришельцы с других планет, / являются в мир, где предметы странные, / вещи, которым названья нет» (Ю. Левитанский).

Во втором случае детское «инобытие» нередко воплощает зло, таит в себе опасность, несет беду. Подобный взгляд особо актуализируется в XX столетии: в художественной литературе и появившемся кинематографе становятся популярными мотив иррациональности детского поведения и изображение разнообразных перверсий. Возрастает писательский и режиссерский интерес к детским ненормальности, девиантности, преступности. Вспомним хотя бы «Повелителя мух» У. Голдинга, «Детей кукурузы» С. Кинга, «Осиную фабрику» Й. Бэнкса, «Кукушат Мидвича» Д. Уиндема, «Вельд», «Маленького убийцу» и другие рассказы Р. Брэдли.

«Вы принадлежите к совершенно другой расе. Отсюда ваши интересы, ваши принципы, ваше непослушание... Вы не люди, вы — дети» (Р. Брэдли. Поиграем в «Отраву»).

Дети становятся неотъемлемыми персонажами мистических триллеров, психологических драм и фильмов ужасов наравне с магами, маньяками и мутантами всех мастей. Назовем здесь такие киноленты, как «Дело № 39» (Case 39), «Детишки» (The Children), «Джошуа» (Joshua), «Дитя 666 / Наследник дьявола» (The child), «Добрый сынок» (The Good Son), «Другой» (Godsend), «Майки» (Mikey), «Нерожденный» (The Unborn), «Что-то не так с Кевином» (We Need to Talk about Kevin), «Шепот» (Whisper)...

Подобное отношение к ребенку произвольно проскальзывает и в нашей обыденной речи. «Веди себя по-человечески!»; «Будь человеком!» — восклицаем мы в порыве досады, раздражения, отчаяния, не справляясь с непослушанием ребенка.

И, кстати, не тот же самый взгляд косвенно продуцирует многообразные и непрерывно возникающие просторечные названия Ребенка? *Карпуз, каранет, бутуз, пупс, пузырь, лялька, лапа, мелюзга, малой, малец,*

малявка, крошка, кроха, птенец, клоп, сопляк, шпингалет, шкет, детка, деть, пусечка, масик, спиногрыз... Наконец, просто *ре*. Какие-то из названных слов постепенно выходят из широкого употребления, сохраняясь лишь в художественном языке, а какие-то, напротив, набирают популярность в бытовой речи и так называемом мамском языке⁴. Однако легко заметить: немногие из них подходят для обозначения собственно Человека. Скорее — для некоего квази-антропоморфного существа вроде Чебурашки...

В таком ракурсе детство подвергается символической дегуманизации: возникает мотив чужеродности, антикультурности, внецивилизированности Ребенка. Дидактизм (первый подход) и изумление (второй подход) сменяются настороженностью, тревогой, страхом.

Последний из рассмотренных метафорических образов Ребенка представляется, пожалуй, самым противоречивым и наиболее уязвимым в этическом плане. Однако этот подход так же, как и первые два, постулирует некоторые основания для пересмотра «традиционных» (говоря условно) воззрений на феноменологию детства; позволяет увидеть в том же непослушании не примитивность поведения и интеллектуальную недоразвитость, но особые проявления природы, специфические реакции, достойные пристального внимания и глубокого осмысления.

Бабай, Бука, Бяк...

Попробуем теперь соотнести описанные образные представления Ребенка («недочеловек», «сверхчеловек», «нечеловек») с традиционно бытующими в европейской культуре стратегиями воспитания, которые тоже, в свою очередь, могут быть представлены в виде концептуальных метафор.

Однако перед этим сделаем небольшое, но очень важное для нас психологическое отступление и обратим внимание на известный феномен *амбивалентности* — противоречивого отношения родителей к детям, в котором обнаруживается парадоксальное сочетание любви с ненавистью, привычки с неприятием. Этот момент также находит отражение в повседневном языковом существовании, в штампах бытовой речи. Например, в расхожих восклицаниях: «Наказание ты мое!»; «Горюшко мое луковое!» и подобное. Ребенок — одновременно счастье и кара, радость и тягость, милость и казнь.

Выходит, что Взрослость предъявляет претензии к Детству, и одновременно ощущает себя виноватой перед ним. В уже упоминавшемся кинофильме «Что-то не так с Кевином» мальчик произносит ключевую фразу, обращенную к матери: «Если ты привык к чему-то, это вовсе не означает, что ты это любишь. Вот ты, например, ко мне привыкла».

Амбивалентностью порождается комплекс вины («Я плохая мать!», «Никудышный я отец!»), который, в свою очередь, инициирует самооправдание («С детьми так трудно!») и «переадресацию» обид («Дети сами во всем виноваты!») Причем проявляется это не только в непосредственном общении с детьми, но и в коллективном бессознательном — опосредованно и символически. Например, в фольклоре, выпускающем на

баловников, озорников, упрямец целую армию потусторонних тварей и мифологических существ. Тут и коварная Баба-Яга, и Серенький Волчок, который кусает за бочок; и Коза рогатая, идущая за малыши ребятами, и жестокий старик Бабай, и ужасный Бука, что крадет и съедает маленьких неслухов, и совсем уж непонятное, а потому самое страшное Чудо-Юдо...

Еще более выражены творческие сублимации в художественной литературе и кинематографе, где действуют беспощадные разбойники, жестокие мачехи, злые волшебники и пр., которые всячески тиранят и терзают детей, обманывают и предают, превращают в безобразных чудищ и ссылают на край света... Немало и отдельных персонажей-детоненавистников. Вспомним учителя Тинте из сказки Э.Т.А. Гофмана «Неизвестное дитя» — мизантропа и садиста, колдовшего ребятишек булавкой; мисс Эндрю — грозную гувернантку из «Мэри Поппинс» П. Трэверс; «Ужасного мистера Бяка» Э. Стэнтона. Среди отечественных персонажей назовем, например, злодеев из романа А. Слаповского «Пропавшие в Бермудии», которых так и звали — Детогубитель и Детоненавистник.

И здесь мы уже вплотную и самым естественным образом подошли к основным метафорам, условно обозначающим «стратегии борьбы» с детским непослушанием: **«лечение болезни»**, **«лишение возможностей (способностей)»**, **«магическое превращение»**. Понятно, что наиболее отчетливо они просматриваются в том же литературном творчестве и смежных видах искусства (кино, театр). Рассмотрим каждую из них более подробно и в контексте выявленных нами образных представлений Ребенка.

Так, есть основания полагать, что метафора борьбы с непослушанием как *лечение болезни* чаще всего опирается на представление о Ребенке как «недочеловеке»: надо избавить дитя от пороков и недостатков — и тогда он станет «настоящим», «полноценным» человеком. Эту стратегию можно условно обозначить как приведение в соответствие (установленным образцам, принятым шаблонам) и приближение к идеалу (личностному и поведенческому). Девиз взрослого: «Иди сюда, я тебя исцелю!»

Но если в реальной жизни путь взросления долг и тернист, то в литературе процесс можно ускорить с помощью волшебного средства. Например, «приступ вредности» у Майкла из сказочной повести «Мэри Поппинс» пытались лечить инжирным сиропом, а диагноз ставили с помощью градусника, на котором читалось: «Большой шалун и озорник». В «Приключениях желтого чемоданчика» С. Прокофьевой с помощью специальных конфет доктор врачевал детишек от злости, коварства, глупости, вранья. Аналогично — как заболевание, недуг, хворь — определяется непослушание Пети в сказочной повести Е. Чеповецкого «Непоседа, Мякиш и Нетак», и даже ставится диагноз: «обыкновенный капризит, да еще с выбрыками». Та же метафора — в основе приключенческой повести Л. Давыдычева «Руки вверх, или Враг номер один», только с обратным сюжетом: злодей Шито-Крыто с помощью препарата «балдин» хочет превратить всех детей в двоечников и лентяев...

Второй метафорический способ противостоять непослушанию — *лишение возможностей* — отражает представление Ребенка как «сверхчеловека»: нужно устранить aberrации поведения, изъять мутагенные факторы. Условно говоря, это стратегия «дисквалификации». Девиз взрослых: «Брось каку!» (под «какой» подразумевается все странное, непонятное либо мешающее, несущее опасность, причиняющее вред).

Так за высокомерие и излишнюю болтливость мальчик Алеша в сказке А. Погорельского теряет волшебное зернышко, подаренное Черной Курицей и позволявшее без труда знать все уроки. Так же за вспыльчивость и грубость у Незнайки перестает работать волшебная палочка, с помощью которой тот превратил малыша Листика в осла.

Наконец, третья воспитательная метафора — *магическое перевоплощение* — опирается на образ Ребенка как «нечеловека»: недостатки усугубляются до нестерпимости и происходит отлучение от человеческих благ. Девиз взрослых: «Уйди, ты не наш!» Здесь появляются мотивы изгнания и сиротства: ребенок должен ощутить ценность «человечности»; осознать, какое это счастье — быть хорошим и послушным.

Литературные иллюстрации: сказки О. Уайльда «Звездный мальчик» (за высокомерие и жестокость маленький красавчик превращен в урда); С. Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями» (грубый и непослушный мальчишка уменьшается до размеров гнома); Л. Лагина «Старик Хоттабыч» (вредный Гога наказан собачьим лаем вместо членораздельной речи).

В рамках этой стратегии здесь возможна также персонификация карательных функций: полномочия судьи и вершителя наказаний делегируются конкретному персонажу. Как Детство изобретает виртуальных компаньонов по шалостям⁵ — так Взрослость придумывает себе специальных помощников в борьбе за дисциплину и порядок. Так, Госпожа Метелица обливает смолой нерадивую девицу; Морозко бьет посохом юных неслухов; у Оле Лукойе два зонтика — разноцветный (для хороших детей) и простой черный (для непослушных); Песочный человек у Гофмана швыряет детям в глаза песок, «а потом кладет ребят в мешок и относит на Луну, на прокорм своим детушкам...»

Итак, перед нами три основных метафоры «перевоспитания». В реальности, в эмпирической практике им соответствуют не менее известные и испытанные поколениями средства воспитательного воздействия: нравоучения и нотации, наказание посредством лишения (сладостей, игрушек, подарков, развлечений); осмеяние и позор (поставить в угол, на горох, выпороть, закрыть в темной комнате и т.п.) Одновременно взрослым в этой «войнушке» с детьми главное не заиграться и помнить: Бука не только ужасен, но и неразборчив — вполне может явиться и съесть нас самих, как в знаменитом рассказе Стивена Кинга...

От детей Кинга — к детям Крапивина

Рассмотрим теперь, как выделенные метафорические образы Ребенка и воспитательные стратегемы соотносятся с конкретными проявле-

ниями детского непослушания, основными из которых можно считать **агрессию** (физическую — задиристость, драчливость и словесную — угрозы, оскорбления, насмешки, ябедничество); **упрямство** (строптивость, неуступчивость, неподчинение, капризы) и **озорство** (недозволенные проказы, дерзость, хулиганство).

Так, при наблюдении и коррекции *агрессивного* поведения в ментальных структурах сознания спонтанно и непроизвольно активируется метафора Ребенок-«недочеловек». Почему? Потому что именно в агрессии выражаются примитивные реакции, воплощаются животные инстинкты, обнажается «звериное» начало.

Это последовательно просматривается уже на уровне разговорной идиоматики: о человеке, выражающем неприязнь, злость, презрение, говорят, что он *рычит, ворчит, шипит, рывкает, ревет*; с другими людьми — *грызется, цапается, собачится, петушится, выпускает когти, скалит зубы...*

Те же смысловые параллели обыгрываются и в литературных произведениях. Не зря, например, старик Хоттабыч наказал вредного мальчика Гогу, заставив лаять, едва лишь тому приходило в голову кого-то обругать. Не случайно и в народной сказке у злобной и заносчивой сестрицы изо рта вываливались жабы, едва только она начинала говорить гадости.

Соответственно, и традиционная мера воспитательного воздействия на маленьких драчунов и грубиянов — это, прежде всего, нотации и нравоучения, суть которых сводится к призыву: «Будь человеком!» Для этого ребенку длительно и последовательно приходится овладевать культурой поведения, осваивать нормы общения, учиться управлять своими эмоциональными реакциями. Ребенок же, в свою очередь, сопротивляется, противится «чтению моралей», как противится уколам и приему горького лекарства. Кстати, не из этой ли воспитательной метафоры родилось расхожее просторечное «не лечи меня!» в значении «перестань поучать?»..

В борьбе с детским *упрямством* метафизически проступают черты Ребенка-«сверхчеловека». Нетрудно заметить: именно строптивость и капризы по праву считаются самыми «трудными случаями» непослушания. Преодоление упрямства, с одной стороны, так или иначе предполагает уступки, компромиссы со стороны взрослых; с другой стороны, типовое, стандартное наказание за упрямство — что-то отнять, чего-то лишить.

Обратим также внимание на одну любопытную семантическую деталь. Упрямых детей в обиходе часто называют *буками* («Что смотришь букой?»; «Не будь букой!») Здесь возникает символическая аналогия со страшным *Букой*, которым исстари пугают малышей. Происходит перенос значения — имя мифологического персонажа иносказательно обозначает черты поведения (необщительность, неприветливость, нелюдимость). Одновременно большой Бука как бы передает маленькому буке свои особые качества, наделяет его исключительными свойствами.

Наконец, оценка и коррекция поведения *озорника* актуализируют концептуальную метафору Ребенок-«нечеловек»: в буйных выходках, невообразимых проказах, странных развлечениях ярче всего проявляются «иноприродность», иррациональность и непредсказуемость ребенка. Озорничая, он охвачен страстью, упоен своей затеей, полностью поглощен своим занятием.

Такому состоянию — отчаянной резвости, бесшабашности, необузданности — более всего соответствует разговорное определение *войти в раж*. Интересно, что слово «раж» происходит от лат. *rabies* — «бешенство». Действительно, внешне озорство часто напоминает кратковременное помешательство, измененное сознание: *войти в раж* — как войти в сон, в гипноз, в медитативный транс.

Характерна и этимология самого слова: *озорной* одного корня с *позор*, *ззорный* — буквально «такой, на которого смотрят с осуждением». Почему? Потому что его поступки — за рамками общепринятого, *вне* культурной нормы. В бытовом обиходе озорника называют еще и *безобразником* — здесь уже сама внутренняя форма слова («без образа» = лишенный облика) имплицитно отсылает к «иноприродности» ребенка.

Показательны и традиционные наказания, применяемые к озорникам: их чаще, чем юных агрессоров и упрямцев, ставят в угол, шлепают, закрывают в темных местах и т.п. — словно бы совершая над ними обряды некоего «превращения» в хороших, послушных, управляемых. Изоляция, темнота, порка — сродни магическим предметам и волшебным способам воздействия.

* * *

Предложенные метафорические образы и выявленные логико-семантические взаимосвязи можно систематизировать в следующей сводной таблице

Концептуальная метафора	Воспитательная стратегема	Проявление непослушания
«Недочеловек»	«Лечение болезни»	Агрессия
«Сверхчеловек»	«Лишение возможностей (способностей)»	Упрямство
«Нечеловек»	«Магическое превращение»	Озорство

Однако до сих пор, концентрируясь на девиациях, мы намеренно обходили вниманием находящуюся вне этой системы еще одну, четвертую макрометафору: Ребенок как «идеальный человек».

«Некому, кроме ребенка, передавать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому, кроме ребенка. И потому дитя — владыка

человечества, ибо в жизни всегда господствует грядущая, ожидаемая, еще не рожденная чистая мысль, трепет которой мы чувствуем в груди, сила которой заставляет кипеть нашу жизнь», – читаем у Андрея Платонова в «Душе мира».

Гигантское дитя в океане Соляриса, Маленький Принц Экзюпери, младенец в финале «Космической Одиссеи» Стенли Кубрика, дети Крапивина... Здесь все совершенно, все гармонично, здесь нечего корректировать и видоизменять, поэтому в отношении «идеального» ребенка не существует никаких стратегий. Вернее, стратегия одна: «не трогать». Будучи литературными персонажами, такие дети исчезают в Вечности, а если вдруг рождаются в реальности – тоже исчезают, когда... становятся взрослыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: Звукова Е.Д. Специфика номинации *дитя/ребенок* в языке диалектного типа // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 4.

² См., например, названия книг: Егорова М.С. и др. Из жизни людей дошкольного возраста. – СПб.: Алетей, 2001. Чудакова М. Егор. Биографический роман. Книжка для смысленных людей от десяти до шестнадцати лет. – М.: Время, 2012.

³ Юнг К.-Г. Божественный ребенок. – URL: <http://jungland.ru/node/548>

⁴ «Мамский язык» – условно установившееся в публичном дискурсе название сленга беременных женщин и матерей маленьких детей; популярная тенденция к изобретению новых слов по моделям псевдодетской речи, связанных с материнством и – шире – родительством (примеры наименований ребенка: пузожитель, кошка, годовасик).

⁵ Особый тип персонажа детской литературы: например, Карлсон (А. Линдгрен «Карлсон, который живет на Крыше»), Капризик и Зловредик (С. Прокофьева «Упрямая морковка»), Капризка (В. Воробьев «Капризка – вождь ничевоков»), Плутыш Тришка (Т. Крюкова «Дом вверх дном»), Джимми Джиммирино (Д. Сэлинджер «Лапа-растяпа»), Игоша из одноименной сказки В. Одоевского и др.

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена Детства в системе философских метафор. Рассматриваются архетипические образы Ребенка в культуре, типичные поведенческие отклонения и стратегии воспитательного воздействия.

Ключевые слова: детство, ребенок, архетип, метафора, литературный образ, стратегия воспитания.

Summary

The article is dedicated to the research of Childhood phenomenon in a system of philosophical metaphors. It considers archetypal images of A Child in culture, typical behavior deviations and strategies of educational influence.

Keywords: childhood, child, metaphor, archetype, literary image, strategy of education.